

УДК 94(5)
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-80-90

Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х – начале 80-х годов XX века

В. А. Перминова

*Институт востоковедения РАН
Москва, Россия*

*Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Россия*

Аннотация

Одним из важнейших факторов, осложняющих японо-китайские отношения на протяжении последних нескольких десятилетий, остаются проблемы исторического прошлого. Вопросы истории, связанные с интерпретацией событий Второй мировой войны и, в частности, антияпонской войны (1937–1945 гг.), всё ещё являются весьма болезненными для Китая. Исследование эволюции подходов КНР к событиям военного прошлого, начиная с самых первых десятилетий после 1945 г., представляется важным по причине того, что именно во второй половине XX в. был сформулирован подход китайских властей к интерпретации военной агрессии Японской империи в Азии, который стал впоследствии основой для проводимой КНР политики в отношении Японии. В статье исследуется специфика восприятия китайцами событий антияпонской войны, роли государства и негосударственных акторов в формировании исторической памяти о войне в Китае во второй половине XX столетия (в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны (1950–70-е гг.), в период нормализации японо-китайских отношений после подписания межправительственного заявления в 1972 г. вплоть до периода «обновления» памяти об антияпонской войне в 1980-е гг.).

Ключевые слова

Китай, Япония, проблемы исторического прошлого, антияпонская война, японо-китайские отношения

Для цитирования

Перминова В. А. Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х – начале 80-х годов XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 80–90. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-80-90

War Remembrance in China and Its Influence on Sino-Japanese Relations in the 1950s – Early 1980s

V. A. Perminova

*Institute of Oriental Studies RAS
Moscow, Russian Federation*

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation*

Abstract

Problems of the past remain one of the most important factors that have plagued Sino-Japanese relations for the last few decades. Questions that are related to events of WWII and in particular events of the Second Sino-Japanese war are still relevant and remain a sensitive issue in contemporary China. Complicated postwar Sino-Japanese relations are

© В. А. Перминова, 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies

not only caused by political and economic factors, but to a great extent are related to specific perceptions of events of the shared past in the first half of the 20th century by these two nations. Collective remembrance of Sino-Japanese wars and one of the most major wars of the 20th century – WWII – that was formed during the 20th centenary is vastly different in China and Japan, and still has a great impact on the dynamics of bilateral relations. The paper studies Chinese approaches to the interpretation of the Sino-Japanese war of resistance, role of the State and non-State actors in forming collective war remembrance in China during different stages of postwar development in the 20th century: during the first decades after the end of WWII (1950–70s), period of normalization of Sino-Japanese relations after 1972 – when a joint declaration was signed and “renewing” war remembrance in the 1980s.

Keywords

China, Japan, problems of the historical past, anti-Japanese war, Sino-Japanese relations

For citation

Perminova V. A. War Remembrance in China and Its Influence on Sino-Japanese Relations in the 1950s – Early 1980s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 80–90. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-80-90

Введение

Одним из важнейших факторов, осложняющих японо-китайские отношения на протяжении последних нескольких десятилетий, остаются проблемы исторического прошлого. Вопросы истории, связанные с интерпретацией событий Второй мировой войны и, в частности, антияпонской войны, всё ещё являются весьма болезненными для Китая, поскольку на их решение влияют факторы как политико-экономического, так и морально-этического характера. Призывы к Токио признать ответственность за агрессию и военные преступления Японской империи в Азии в первой половине XX в. то приглушаются на волне улучшения японо-китайских отношений, то вновь актуализируются, повышая уровень напряженности двусторонних отношений до критического. Такие сложные взаимоотношения обусловлены не только факторами политико-экономического характера, но и в значительной мере особенностями восприятия народами этих двух стран событий общего прошлого. Историческая память о японо-китайских войнах и самой крупной войне XX в. – Второй мировой, – сформировавшаяся в течение прошлого столетия и существенно отличающаяся в Китае и Японии, до сих пор непосредственным образом влияет на динамику двусторонних отношений.

Наглядным примером «раскручивания» проблем военного прошлого являются антияпонские волнения, прокатившиеся по Китаю в начале XXI в.¹ Такие «выплески» народного гнева тесно переплетены с чувствами национальной гордости и патриотизмом. А с учётом специфики восточного менталитета и боязнью руководства «потерять лицо» в решении такого сложного и неоднозначного вопроса как проблемы истории, даже незначительного повода для охлаждения отношений между Японией и Китаем, нередко становится достаточно для очередного предъявления друг другу претензий с неизбежной отсылкой к событиям прошлого.

Обычно проблемы японо-китайских отношений в контексте исторической памяти рассматриваются учёными начиная с периода 80–90-х гг. (когда КНР стала активно заявлять о неприемлемости подхода японского руководства к вопросам общего исторического прошлого) или даже позднее (с начала 2000-х гг., когда эти проблемы стали включаться в международную повестку дня). Обобщающих исследований, которые рассматривали бы динамику изменения подходов к событиям военного прошлого в Китае с течением времени, практически нет. Проблемы интерпретации вопросов истории в КНР затронуты в работах нескольких зарубежных ученых: П. Кобла [Coble, 2007], Р. Миттер [Mitter, 2000], Дж. Рейли [Reilly, 2004; Reilly, 2011], К. Роуз [Rose, 1998], Хэ Инань [He Yinan, 2006; He Yinan, 2007; He Yinan, 2009], которые рассматривают, как правило, отдельные эпизоды антияпонской войны в контексте формирования памяти о войне (Нанкинскую резню, проблему «женщин

¹ Речь идет о масштабных антияпонских демонстрациях в КНР, прошедших весной 2005 г. (поводом к которым послужила кампания по вхождению Японии в Совет Безопасности ООН на постоянной основе), и в 2012 г. после национализации Японией островов Дяюйдао/Сэнкаку, суверенитет над которыми оспаривает Китай.

для утешения», разработку и испытание японцами бактериологического оружия на Северо-Востоке Китая). Особенности восприятия в КНР вопросов истории и их влияние на отношения Пекина и Токио частично изучены в статьях специального выпуска журнала «Modern Asian Studies» под заглавием «China in World War II, 1937–1945: experience, memory and legacy». Проблемы исторического прошлого в японо-китайских отношениях рассмотрены также в работах отечественных исследователей: А. А. Батаковой [2017], В. Э. Молодякова [2019], К. С. Санина [2015], Д. В. Стрельцова [2019]. Одной из немногих работ, в которых подробно рассматривается процесс формирования памяти о войне сопротивления, можно считать фундаментальное исследование китайского историка Чань Яна [Chan Yang, 2018], где особое внимание автор уделил периоду 1950–80-х гг., практически не затронутому в работах других ученых.

Исследований на китайском языке, посвящённых проблемам исторического прошлого и их влиянию на японо-китайские отношения, крайне мало. Вопросы, касающиеся памяти о войне сопротивления, специфики ее формирования и эволюции с течением времени, остаются за пределами внимания учёных, публикующих работы в КНР. В отличие от Японии, где кардинальные перемены в стране после окончания Второй мировой войны привели к переосмыслению событий военного времени, что проявилось, в свою очередь, в дискуссиях относительно интерпретации событий прошлого, в Китае трактовка японской агрессии в 30–40-х гг. XX в. всегда была однозначной (Японская империя проводила захватническую политику в Китае, причинив народу Китая огромные страдания), менялись лишь некоторые акценты в этой трактовке, которые в зависимости от текущей внешнеполитической ситуации расставляло китайское руководство². К числу работ, в которых частично затрагивается вопрос памяти о войне в Китае, можно отнести: [Лю Яньцзюнь, 2009; Лю Дэцзюнь, 2005; Сунь Пинхуа, 2009].

Целью данного исследования является изучение специфики восприятия китайцами событий антияпонской войны, роли государства и негосударственных акторов в формировании исторической памяти в Китае в первые десятилетия после 1945 г. Речь преимущественно пойдёт об интерпретации войны сопротивления 1937–1945 гг. в материковом Китае и влиянии вопросов истории на отношения между Пекином и Токио в 50-х – начале 80-х гг. XX в.

Формирование исторической памяти об антияпонской войне в Китае

После окончания Второй мировой войны Китайской Республике, которая «вместе с союзными государствами одержала победу в борьбе с мировым империализмом и фашизмом», необходимо было «установить дружественные отношения со всеми странами, которые встали на путь мирного развития»³, в их числе была и Япония. Несмотря на то что японское вторжение принесло неисчислимые беды китайскому народу, в отношении Токио Чан Кайши провозгласил подход «воздавать добром за обиду» (以德报怨)⁴, в соответствии с которым строгое наказание должны были понести лишь те военные преступники, которые совершили тяжкие преступления, в отношении же остальных следовало проявить снисхождение [Лю Яньцзюнь, 2009. С. 6]. В тот период Китайской Республике, где продолжала разгораться гражданская война, было важно не обострять ситуацию на внешнеполитическом фронте, поэто-

² Сунь Гэ. Чжун жи чуань мэи чжун дэ чжань чжэн цзи и. [孙歌。中日传媒中的战争记忆]. Историческая память в китайских и японских СМИ. 24.08.2009. URL: <https://news.163.com/09/0821/18/5H8T4BBN00011HJ4.html> (дата обращения 22.02.2021) (на кит. яз.)

³ Цзян чжу си цзуй синь янь лунь. [蒋主席最新言论]. Заявления генералиссимуса Чан Кайши. Шанхай: Гоцзи чубаньшэ, 1945. С. 1–2. URL: <https://taiwanebook.ncl.edu.tw/en/book/NTUL-9910002646/reader> (дата обращения 22.02.2021) (на кит. яз.)

⁴ Принцип «воздавать добром за обиду» (以德报怨) упоминается в классических китайских текстах – он встречается в конфуцианском трактате «Лунь юй» («Лунь юй. Сянь вэнь»), а также в «Дао дэ цзин» (Главы 63, 79).

му о недавних преступлениях Японии в Китае руководство предпочло лишний раз не упоминать.

Впрочем, при Мао Цзэдуне серьёзной критике за события военного прошлого Токио также не подвергался. В первую очередь, это было вызвано стремлением получить дипломатическое признание со стороны стран Запада и Японии. Кроме того, основным врагом КНР при Мао Цзэдуне была отнюдь не Япония, а режим Чан Кайши на Тайване, вскоре после войны в качестве угрозы стали рассматривать США, а с конца 1960-х гг. – СССР⁵. Провозгласив борьбу против американского империализма, Мао Цзэдун неоднократно заявлял о том, что «общий враг Японии и Китая – США» [Мао Цзэдун вай цзяо..., 1994. С. 373], поэтому КНР «находится на одном и том же пути с Японией, которая борется за свою независимость, отстаивает демократию и свободу» [Мао Цзэдун вай цзяо..., 1994. С. 439]. С началом Корейской войны, во время которой Япония служила плацдармом для американских ВС, китайские власти стали обвинять США в ремилитаризации Японии [Лю Яньцзюнь, 2009. С. 12]. В условиях противостояния КНР растущему влиянию США в азиатском регионе китайские власти пытались сместить образ «врага народа» с Японии на США, представляя Японию жертвой американского империализма⁶. Такой подход в полной мере служил восстановлению японо-китайских связей и налаживанию торгово-экономического сотрудничества между странами – несмотря на идеологические разногласия, Япония была одним из крупных инвесторов в экономику КНР [Кульнева, 2013. С. 193–195]. Такая модель взаимодействия между Токио и Пекином получила название «холодная политика – горячая экономика» (政冷经热).

В ситуации, когда руководство КНР стремилось к нормализации отношений с Токио, исследование вопросов, связанных с военными преступлениями Японии, не поощрялось и даже пресекалось. В частности, публикации о Нанкинской резне не приветствовались руководством по причине того, что они могли способствовать «разжиганию межнациональной ненависти» [Reilly, 2004. P. 278; Yang Daqing, 1999. P. 858]. Отсутствие научных публикаций в 1950–70-х гг., в которых акцентировалось бы внимание на военных преступлениях Японии, объясняется ещё и тем, что возобновление исследований антияпонского противостояния означало бы дополнительное исследование роли Гоминьдана в войне. Это было невыгодно тогдашнему руководству КНР, поскольку одним из ключевых моментов в описании анти-японской борьбы был акцент на лидирующей роли КПК. Позиционирование КПК в качестве единственной эффективной силы, которая боролась против агрессора, значительно укрепляло авторитет действующей власти, особенно в первые годы после прихода к власти коммунистов в 1949 г. Триумф КПК в результате победы в гражданской войне оттенялся жертвенностью китайского народа как в борьбе против японцев, так и в борьбе против сил Гоминьдана [Лю Дэцзюнь, 2005. С. 7–8].

В данном контексте преступления японцев в период агрессии в Китае, равно как и вся антияпонская война и даже Вторая мировая война воспринимались лишь как эпизод, хотя и важный, общего революционного движения. Поэтому неудивительно, что отдельные моменты войны сопротивления порой представлялись как удача (в случае локальной победы сил КПК) либо неудачи (в случае, когда силы Гоминьдана были вынуждены отступить) того или иного лагеря. В частности, в произволе японцев при захвате Нанкина в 1937 г. власти КНР обвиняли армию Чан Кайши, поскольку она «не смогла защитить столицу» [Chan Yang, 2018. P. 47]. Пересмотр роли Гоминьдана в антияпонской войне начал происходить лишь в 80-е г. на волне либерализации режима в стране и большей свободы печати. Представление Чан Кайши патриотом и одним из лидеров антияпонской борьбы происходило также на фоне попыток привлечь Тайвань к идее «мирного объединения Родины». В этот период стали по-

⁵ Пытаясь привлечь Японию к совместному противостоянию советской угрозе, руководство КНР даже допускало развитие ею собственных вооруженных сил [Reilly, 2011. P. 468].

⁶ Чжоу Эньлай лян ци цзин гао жи бэнь цзюнь го чжу и фу хо [周恩来两次警告日本军国主义复活]. Чжоу Эньлай предупреждает о возрождении японского милитаризма. 03.02.2016. URL: <http://dangshi.people.com.cn/n1/2016/0202/c85037-28105056.html> (дата обращения 22.02.2021) (на кит. яз.)

являться статьи о важной роли в антияпонской борьбе Второго объединенного фронта Гоминьдана и КПК и фильмы, рассказывающие об успехах армии Чан Кайши в отдельных военных операциях против японцев⁷. По иронии судьбы как раз в этот период Гоминьдан стремительно утрачивал свой авторитет на Тайване, постепенно уступая позиции демократическим силам.

Характерным проявлением того, что в 50–60-е гг. антияпонская война рассматривалась в Китае в контексте революционной истории, является сооружение мемориалов в память о погибших как в гражданской войне, так и в войне против японцев. Нередко упоминание о жертвах обеих войн совмещал в себе один и тот же памятник. В частности, мемориальный парк павших революционеров Юйхуатай (雨花台) в Нанкине, построенный вскоре после образования КНР на месте, где при Гоминьдане проводили публичные казни коммунистов, был сооружен в память о «жертвах 22-летнего периода [1927–1949] правления бандитов Гоминьдана и жертв японских милитаристов» [Chan Yang, 2018. P. 130–131]. Как правило, и в музеях, посвященных военной истории, о героях антияпонской войны упоминали в контексте их основной задачи – борьбы с режимом Чан Кайши. В свою очередь, о подвигах солдат, воевавших против японцев на стороне Гоминьдана, говорили только в том случае, если они впоследствии переориентировались на КПК⁸ [Chan Yang, 2018. P. 130–131]. Освещение событий антияпонской войны в КНР было осложнено не только противостоянием коммунистов и гоминьдановцев, но и проблемой разделения населения, находящегося в оккупации, на патриотов и коллаборационистов (предателей), к которым нередко причисляли солдат армии Чан Кайши. П. Кобл отмечает сходство такой ситуации с проблемой трактовок военного периода Франции в годы её оккупации 1940–1944 гг. [Coble, 2007. P. 406–407].

Важным элементом в оценке событий войны сопротивления является разделение ответственности между японским народом и тогдашним руководством страны. Согласно этому взгляду, который актуален и в настоящее время, народ Японии не виновен в агрессивных действиях армии на территории Китая, поскольку сам стал жертвой милитаристского режима: «...народ Японии не поддерживал агрессивную политику японского правительства в первой половине XX в.» [Мао Цзэдун вай цзяо..., 1994. С. 373]; «...японский милитаризм принёс неисчислимые беды китайскому народу, но, вместе с тем, японский народ тоже стал жертвой этого режима. [...] Уверен, что дружественный и миролюбивый народ Японии будет помнить этот урок истории и не позволит возродиться милитаризму в стране...»⁹; «...и китайский народ, и японский народ стали жертвой агрессивной войны, которую развязал японский милитаризм. Японский народ не виновен в этом...» [Сунь Пинхуа, 2009. С. 36]. Как Мао Цзэдун, так и Чжоу Эньлай заявляли о том, что нужно оставить неприятные события военного времени в прошлом и выстраивать между двумя странами долгосрочные дружественные отношения («...нужно забыть тот печальный период, когда между Японией и Китаем шла война... Зачем держать в голове те безрадостные события?» [Мао Цзэдун вай цзяо..., 1994. С. 222, 226]; «...Япония и Китай оказались в состоянии войны непродолжительное время, поэтому этот период следует выбросить из памяти...»¹⁰.

Чёткое разделение на «миролюбивый японский народ» и «кликну милитаристов» традиционно прослеживалось и в учебниках истории. В большей мере в них акцентировали внимание на подвиге китайского народа в борьбе с японским милитаризмом, от которого он избавил не

⁷ Например, фильм «Сражение под Тайэрчжуаном» («血战台儿庄»), вышедший в 1986 г.

⁸ Об освещении событий антияпонской войны и гражданской войны в исторических музеях Китая см.: [Mitter, 2000].

⁹ Чжоу Эньлай лян ци цзин гао жи бэнь цзюнь го чжоу и фу хо [周恩来两次警告日本军国主义复活]. Чжоу Эньлай предупреждает о возрождении японского милитаризма. 03.02.2016. URL: <http://dangshi.people.com.cn/n1/2016/0202/c85037-28105056.html> (дата обращения 22.02.2021) (на кит. яз.)

¹⁰ Чжоу Эньлай юй чжун жи мао и. [周恩来与中日贸易]. Чжоу Эньлай и японо-китайские торговые отношения. 28.03.2011. URL: <http://dangshi.people.com.cn/n1/2017/0328/c85037-29173133.html> (дата обращения 22.02.2021) (на кит. яз.)

только китайцев, но и самих японцев. Таким образом, преступления японской армии в период оккупации Китая не были в фокусе внимания. Отсутствие явного антияпонского подтекста в освещении событий войны демонстрирует и терминология, которую использовали в учебниках: слово «Япония» (日本), как правило, не фигурировало при описании военного периода, были лишь «японский империализм» (日帝), «японская армия» (日军) или «японские бандиты/грабители» (日寇) [Reilly, 2011. P. 470].

Ещё одна особенность памяти об антияпонской войне в Китае до 1980-х гг. – это её региональный характер. В то время когда на государственном уровне исследования преступлений японской армии пресекались и о них было говорить не принято, на местном уровне память о войне сохранялась в виде воспоминаний отдельных людей и общества в целом в масштабах городского округа или провинции [Jian Zhang, 2007. P. 24]. Подтверждением этому может служить тот факт, что память о действиях японцев существенно отличалась у людей, живущих в разных регионах. Как правило, это были те военные операции, которые непосредственно затрагивали местность, где люди проживали, а не военное вторжение японской армии в целом. Более того, эти конкретные военные операции могли быть мало известны на общегосударственном уровне. Даже память о такой крупной операции, как оккупация Нанкина среди жителей той же провинции Цзянсу не была однородной – Нанкинская резня в большей мере была запечатлена в памяти только у тех людей, чьи семьи непосредственно затронуло это событие [Chan Yang, 2018. P. 131–132]. Иными словами, память об антияпонской войне в первые несколько десятилетий после её окончания поддерживалась не за счёт государственной просветительской политики или пропаганды, а на основе комплекса индивидуальных воспоминаний о событиях военного времени. На этом выводе настаивают некоторые китайские исследователи, поскольку он опровергает распространённое мнение о том, что в Китае подобно Японии до 1980-х гг. был провал в памяти о войне, т.н. «амнезия» [Chan Yang, 2018. P. 196; Лю Яньцзюнь, 2009. С. 10–11; Сунь Пинхуа, 2009. С. 8–9].

Ключевым событием, повлиявшим не только на развитие японо-китайских отношений, но и на расстановку сил в Азии, является признание мировым сообществом КНР – установление между Китаем и странами капиталистического блока официальных дипломатических отношений и разрыв официальных отношений этих стран с Китайской Республикой (Тайванем). Нормализация отношений между Пекином и Токио была закреплена подписанием совместного межправительственного заявления в сентябре 1972 г. Из-за всесторонней активизации сотрудничества между двумя странами 1970-е и начало 80-х гг. некоторые исследователи называют «медовым месяцем» японо-китайских отношений, продлившимся 10 лет¹¹ [Лю Цзяньпин, 2010; He Yinan, 2009. P. 174–205] – вплоть до их обострения в 1982 г. после инцидента с внесением исправлений в японские учебники истории.

На фоне укрепления связей между Китаем и Японией в 70-е гг. основным подходом к интерпретации событий военного прошлого в КНР оставалось разделение ответственности между японским народом и милитаристами. Исследование военных преступлений японской армии руководство КНР все так же не приветствовало, основной акцент был сделан на том, что с «миролюбивым народом Японии» можно и нужно развивать дружественные отношения. Казалось бы, договор 1972 г., в котором Япония признавала свою ответственность за причинённый китайскому народу ущерб и «чувствовала глубокое сожаление» по поводу прошедшего, а Китай, в свою очередь, отказывался от имущественных и репарационных претензий к Токио, наконец, давал возможность закрыть «позорные страницы» прошлого и забыть «неудобные» вопросы двусторонних отношений. Однако события следующих десятилетий свидетельствовали об обратном.

¹¹ Фан Юаньюань. Цянь тань чжун жи гуань си. [万元元. 浅谈中日关系]. Японо-китайские отношения в простом изложении. 2013. URL: <http://www.doczj.com/doc/3322d4c665ce0508763213c8.html> (дата обращения 22.02.2021) (на кит. яз.)

Некоторые учёные [Chan Yang, 2018. P. 197–198; He Yinan, 2006. P. 72–73; He Yinan, 2009. P. 203–205; Лю Цзяньпин, 2010. С. 5–6] рассматривают первые десять лет после 1972 г. не как период «нормализации» японо-китайских отношений, а как период, когда эти отношения были, наоборот, «ненормальными» с учётом набора нерешенных вопросов, которые тянулись из предыдущих десятилетий. Получалось, что эти проблемы и память о прошлом были «приглушены» для реализации основной политической задачи – выхода Китая из дипломатической изоляции. При этом на фоне улучшения японо-китайских отношений и общего «потепления» в отношениях среди азиатских стран (часть исследователей называют период дипломатического признания КНР ключевым событием, вызвавшим окончание «холодной войны» в Азии [Jager, Mitter, 2007. P. 2]), разные подходы к пониманию событий военного прошлого оставались единственными и со временем наиболее заметными вопросами, которые могли давать повод для охлаждения двусторонних отношений.

Подтверждением того, что дипломатическое урегулирование опережало реальное сближение между странами, может служить тот факт, что в преддверии визита в КНР премьер-министра Танака Какуэй в сентябре 1972 г. китайские власти провели кампанию по разъяснению местному населению того, зачем К. Танака собирается посетить Китай и почему необходимо налаживать отношения с Японией. На протяжении нескольких десятилетий после окончания войны, вплоть до начала 1970-х гг., китайцы всё ещё продолжали воспринимать японцев как врагов. Несмотря на искренне дружественный настрой японских делегатов, посещавших послевоенный Китай с целью развития двустороннего торгового сотрудничества, местное население всегда с настороженностью, а порой и с явным недовольством относилось к подобным визитам. Как пишут китайские исследователи, «один вид японского флага оживлял в памяти неприятные события военного прошлого»¹², так что «местным властям приходилось убеждать работников, которые принимали японские делегации на торгово-промышленных выставках и ярмарках, доброжелательно встретить гостей из Японии» [Сунь Пинхуа, 2009. С. 36]. Для того чтобы визит К. Танака в КНР не вызвал негативной реакции в обществе, за несколько месяцев до его приезда местные власти должны были «провести разъяснительную работу с тем, чтобы для каждой семьи было понятно, почему с Японией следует восстановить отношения»¹³. Лейтмотивом этого «разъяснения» стало разделение ответственности за агрессию в Китае между японским народом и «кликкой милитаристов», а также убеждение в том, что японцы – миролюбивый народ, который дружественно настроен по отношению к Китаю. О тщательной подготовке китайской стороны к нормализации отношений с Токио Чжоу Эньлай упоминал и во время переговоров с К. Танака: «...нам нужно объяснить народу, который подвергся тяжёлым испытаниям в период войны, почему мы должны восстановить отношения с Японией»¹⁴.

Нежелание руководства КНР заострять внимание на вопросах истории в период подготовки соглашения дало основания японской стороне считать, что все вопросы послевоенного урегулирования решены полностью и окончательно [Стрельцов, 2019. С. 120–121]. Еще одним фактором, повлиявшим на уверенность японского руководства в том, что страны Азии, в прошлом пострадавшие от агрессии, больше не будут поднимать вопросы истории в отношении Токио, стала заметно усиливающаяся привлекательность Японии как потенциального инвестора на фоне ее стремительного экономического и научно-технологического развития. Предоставление официальной помощи развитию (ОПР) странам Азии, в том числе и Китаю, отказавшемуся от репараций, становилось дополнительным подтверждением дружественных намерений и готовности Японии помогать странам своего региона «сверх положенного».

¹² Чжун жи цзянь цзяо цянь Чжоу Эньлай тань жи цзюнь цинь хуа ши: жи бэнь жень минь у цзэ. [中日建交前周恩来谈日军侵华史: 日本人民无责]. Чжоу Эньлай об истории агрессии японского милитаризма в Китае до установления японо-китайских дипломатических отношений: японский народ не несёт ответственность за агрессию. 20.11.2012. URL: https://cul.sohu.com/20121129/n358918295_3.shtml (дата обращения 22.02.2021) (на кит. яз.)

¹³ Чжун жи цзянь цзяо цянь...

¹⁴ Ibid.

1982 г. стал важной вехой в истории японо-китайских отношений, своеобразным водоразделом, когда проблемы исторического прошлого стали принципиальным образом влиять на взаимодействие между двумя странами. Обычно именно с этого момента учёные [He Yinan, 2006; He Yinan, 2007; Reilly, 2004; Reilly, 2011; Rose, 1998; Батакова, 2017] начинают рассматривать расхождение в оценках китайской и японской сторонами событий военного времени как проблему. Поводом к охлаждению отношений и предъявлению претензий Токио со стороны Пекина стала публикация в Японии учебников истории, в которых содержалась принципиально новая оценка ряда исторических событий, основанная на приукрашивании политики японской властей в 30–40-е гг. XX в.¹⁵ Одобрение министерством образования таких учебников привело к официальным протестам со стороны КНР, что впоследствии вылилось в кампанию по восстановлению исторической справедливости в ответ на «забвение истории» японской стороной.

Появление проблем исторического прошлого на внешнеполитической повестке дня в 80–90-х гг. XX в. связано с рядом факторов, среди которых важное место занимает внешнеполитический, а именно – изменение баланса сил в период окончания «холодной войны» и связанная с этим неопределенность в дальнейшей системе безопасности АТР. Обновление в Китае памяти о войне, как называют период 80–90-х гг. некоторые учёные («new remembering» [Coble, 2007. P. 402–403]), происходило в период либерализации политической и социально-экономической жизни на фоне реализации политики «реформ и открытости» и служило мощным фактором консолидации общества в условиях кризиса социалистической идеологии.

Выводы

Память об антияпонской войне в Китае в течение первых десятилетий после окончания Второй мировой войны формировалась руководством страны с учетом сложившейся после 1945 г. внешнеполитической ситуации и исходя из потребностей развивать с Японией торгово-экономическое сотрудничество. Считая, что улучшение экономических отношений в дальнейшем приведет и к политическому сближению между Пекином и Токио, китайские власти не акцентировали внимание на тех вопросах, которые могли бы привести к усилению конфронтации между странами. Проблемы исторического прошлого в этой ситуации не должны были мешать нормализации японо-китайских связей. Идея разделения ответственности за агрессию в Китае между японским народом и тогдашним руководством страны позволила не только поддерживать неофициальные связи с Токио, но и создать основу для политического диалога между государствами. Вместе с тем тот факт, что многие вопросы послевоенного урегулирования оставались нерешенными еще несколько десятилетий, привел к тому, что даже после восстановления дипломатических отношений между Японией и Китаем и в условиях активной государственной пропаганды в КНР положительного образа японского народа и Японии – страны, вставшей на путь мирного развития, в 1980-х гг. в Китае с новой силой проявились антияпонские настроения, в основе которых лежали проблемы исторического прошлого.

Список литературы

- Батакова А. А.** Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с государствами Восточной Азии (конец XX – начало XXI вв.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.
- Кульнева П. В.** Роль политических факторов в развитии японо-китайских экономических отношений // Япония в Азии: параметры сотрудничества / Рук. проекта Э. В. Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 191–212.
- Молодяков В. Э.** Непрошедшее прошлое. Очерки политической и интеллектуальной истории Японии XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2019. 248 с.

¹⁵ В новых учебниках действия японской армии в период Тихоокеанской войны были названы не «агрессией», а «продвижением», в частности, было указано, что Япония не «вторглась» (侵略) в Китай, а «продвинулась» (進出) на его территорию.

- Санин К. С.** Проблемы исторического прошлого в отношениях КНР с государствами Восточной Азии // Сравнительная политика. 2015. Т. 6? № 3 (20). С. 48–59.
- Стрельцов Д. В.** Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с Китаем и Республикой Корея // Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / Ред. А. В. Торкунов, Д. В. Стрельцов. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 119–136.
- Chan Yang.** World War Two legacies in East Asia. China remembers the war. L.; N. Y.: Routledge, 2018. 238 p.
- Coble P. M.** China's «new remembering» of the anti-Japanese war of resistance, 1937–1945 // The China Quarterly. 2007. № 190. P. 394–410.
- He Yinan.** National mythmaking and the problems of history in Sino-Japanese relations // Japan's Relations with China: Facing a Rising Power / Ed. P. E. Lam. L.: Routledge, 2006. P. 69–77.
- He Yinan.** Remembering and forgetting the war: elite mythmaking, mass reaction, and Sino-Japanese relations // History and Memory. 2007. Vol. 19. № 2. P. 43–74.
- He Yinan.** The Search for Reconciliation: Sino-Japanese and German-Polish Relations since World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 357 p.
- Jager S. M., Mitter R.** Introduction: re-envisioning Asia, past and present // Ruptured histories: war, memory, and the post-Cold War in Asia / Ed. S.M. Jager, R. Mitter. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007. P. 1–14.
- Jian Zhang.** The influence of Chinese nationalism on Sino-Japanese relations // China-Japan relations in the twenty-first century: creating a future past? / Ed. Michael Heazle, Nick Knight. Cheltenham (UK), Northampton (MA, USA): Edward Elgar Publishing, 2007. P. 15–34.
- Mitter R.** Behind the scenes at the museum: nationalism, history and memory in the Beijing War of Resistance Museum, 1987–1997 // The China Quarterly. 2000. № 161. P. 279–293.
- Reilly J.** China's history activists and the war of resistance. History in the making // Asian Survey. 2004. Vol. 44. P. 276–294.
- Reilly J.** Remember history, not hatred: Collective Remembrance of China's War of Resistance to Japan // Modern Asian Studies. 2011. Vol. 45. № 2. (China in World War II, 1937–1945: Experience, Memory, and Legacy). P. 463–490.
- Rose C.** Interpreting history in Sino-Japanese relations: a case-Study in political decision-making. L.: Routledge, 1998. 272 p.
- Rose C.** Patriotism is not taboo: nationalism in China and Japan and implications for China-Japan relations // Japan forum. 2001. Vol. 12. P. 169–181.
- Yang Daqing.** Convergence or divergence? Recent historical writings on the rape of Nanjing // American Historical Review. 1999. Vol. 104. № 3. P. 842–865.
- Лю Дэцзюнь.** Кан жи чжань чжэн янь цзю шу пин. [刘德军. 抗日战争研究述评]. Обзор исследований о войне сопротивления японским захватчикам. Цзинань: Цилу шушэ, 2005. 553 с. (на кит. яз.)
- Лю Цзяньпин.** Чжань хоу чжун жи гуань си «бу чжэн чан» ли ши го чэн юй цзе гоу [刘建平. 战后中日关系“不正常”历史的过程与结构]. «Ненормальный» исторический процесс и структура послевоенных японо-китайских отношений. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2010. 285 с. (на кит. яз.)
- Лю Яньцзюнь.** Нань цзин да ту ша дэ ли ши цзи и. [刘燕军. 南京大屠杀的历史记忆]. Историческая память о Нанкинской резне // Канжи чжаньчжэн яньцзю. 2009. Вып. 4. С. 5–22. (на кит. яз.)
- Мао Цзэдун вай цзю вэнь сюань.** [毛泽东外交文选]. Собрание дипломатических документов Мао Цзэдуна. Пекин: Чжунян вэньсянь чубаньшэ, Шицзе чжиши чубаньшэ, 1994. 658 с. (на кит. яз.)

Сунь Пинхуа. Чжун жи ю хао суй сян лу. [孙平化。中日友好随想录]. Размышления о японо-китайских дружественных отношениях. Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ, 2009. 449 с. (на кит. яз.)

References

- Batakova A. A.** Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniiakh Iaponii s gosudarstvami Vostochnoi Azii (konets XX – nachalo XXI vv.) [Problems of history past in Japan's relations with East Asia (the end of 20th – early 21st century)]. PhD dissertation (History science). Moscow, 2017. (in Russ.)
- Kulneva P. V.** Rol' politicheskikh faktorov v razvitiu iapono-kitaiskikh ekonomicheskikh otnoshenii [The role of political factors in development of Sino-Japanese economic relations]. In: Iaponiia v Azii: parametry sotrudnichestva. Ed. by E. V. Molodiakova. Moscow, AIRO-XXI, 2013, p. 191–212. (in Russ.)
- Molodiakov V. E.** Neproshedshee proshloe. Ocherki politicheskoi i intellektual'noi istorii Iaponii XIX–XX vekov [Past that had not gone. An outline of political and intellectual history of Japan in 19–20th centuries]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia, 2019, 248 p. (in Russ.)
- Sanin K. A.** Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniiakh KNR s gosudarstvami Vostochnoi Azii [Historical problems in the relations between the PRC and the countries of East Asia]. *Comparative politics*, 2015, vol. 6, no. 3 (20), p. 48–59. (in Russ.)
- Streltsov D.V.** Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniiakh Iaponii s Kitaem i Respublikoi Koreia [Problems of history past in Japan's relations with China and Republic of Korea]. In: Transformatsiia mezhdunarodnykh otnoshenii v Severo-Vostochnoi Azii i natsional'nye interesy Rossii [Transformation of foreign relations South-East Asia and national interests of Russia]. Ed. by A. V. Torkunov, D. V. Streltsov. Moscow, Aspekt Press, 2019, p. 119–136. (in Russ.)
- Chan Yang.** World War Two legacies in East Asia. China remembers the war. London, New York, Routledge, 2018, 238 p.
- Coble P. M.** China's "new remembering" of the anti-Japanese war of resistance, 1937–1945. *The China Quarterly*, 2007, no. 190, p. 394–410.
- He Yinan.** National mythmaking and the problems of history in Sino-Japanese relations. Japan's Relations with China: Facing a Rising Power. Ed. by P. E. Lam. London, Routledge, 2006, p. 69–77.
- He Yinan.** Remembering and forgetting the war: elite mythmaking, mass reaction, and Sino-Japanese relations. *History and Memory*, 2007, vol. 19, no. 2, p. 43–74.
- He Yinan.** The Search for Reconciliation: Sino-Japanese and German-Polish Relations since World War II. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, 357 p.
- Jager S. M., Mitter R.** Introduction: re-envisioning Asia, past and present. Ruptured histories: war, memory, and the post-Cold War in Asia. Ed. by S. M. Jager, R. Mitter. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2007, p. 1–14.
- Jian Zhang.** The influence of Chinese nationalism on Sino-Japanese relations. China-Japan relations in the twenty-first century: creating a future past? Ed. by Michael Heazle, Nick Knight. Cheltenham (UK), Northampton (MA, USA), Edward Elgar Publishing, 2007, p. 15–34.
- Mitter R.** Behind the scenes at the museum: nationalism, history and memory in the Beijing War of Resistance Museum, 1987–1997. *The China Quarterly*, 2000, no. 161, p. 279–293.
- Reilly J.** China's history activists and the war of resistance. *History in the making. Asian Survey*, 2004, vol. 44, p. 276–294.
- Reilly J.** Remember history, not hatred: Collective Remembrance of China's War of Resistance to Japan. *Modern Asian Studies*, 2011, vol. 45, no. 2 (China in World War II, 1937–1945: Experience, Memory, and Legacy), p. 463–490.
- Rose C.** Interpreting history in Sino-Japanese relations: a case-Study in political decision-making. London, Routledge, 1998, 272 p.

- Rose C.** Patriotism is not taboo: nationalism in China and Japan and implications for China-Japan relations. *Japan forum*, 2001, vol. 12, p. 169–181.
- Yang Daqing.** Convergence or divergence? Recent historical writings on the rape of Nanjing. *American Historical Review*, 1999, vol. 104, no. 3, p. 842–865.
- Liu Dejun.** Kang ri zhan zheng yanjiu shu ping. [刘德军。抗日战争研究述评]. Review of the research on the War of Resistance against Japan. Qinan, Qilu publishers, 2005, 553 p. (in Chin.)
- Liu Jianping.** Zhan hou zhong ri guan xi ‘bu zheng chang’ li shi de guo cheng yu jie gou [刘建平。战后中日关系“不正常”历史的过程与结构]. *Sino-Japanese relations after World War II: abnormal historical process and construction*. Beijing, Shehui kexue wenxian publishers, 2010, 285 p. (in Chin.)
- Liu Yanjun.** Nan jing da tu sha de li shi ji yi [刘燕军。南京大屠杀的历史记忆]. The historical memory of the Nanjing Massacre. *Kangri zhanzheng yanjiu*, 2009, no. 4, p. 5–22. (in Chin.)
- Mao Zedong wai jiao wen xuan.** [毛泽东外交文选]. Diplomatic documents of Mao Zedong. Beijing, Zhongyang wenxian chubanshe, Shijie zhishi chubanshe, 1994, 658 p. (in Chin.)
- Sun Pinghua.** Zhong ri you hao sui xiang lu. [孙平化。中日友好随想录]. Thinking about Sino-Japanese relations. Shenyang, Liaoning renmin publishing, 2009, 449 p. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию
Received
24.02.2021

Сведения об авторе

Перминова Вера Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва, Россия); доцент департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия)
verger177@yandex.ru

Information about the Author

Vera A. Perminova, PhD (History), Researcher at the Department of China of the Institute of Oriental Studies at the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
verger177@yandex.ru